

Архитектурное наследие в опасности

Давид Саркисян: «Наше государство никогда не соберет достаточно денег, чтобы содержать 86 тысяч памятников»

Независимая 2006-10 ноя с 74.

Петр Поспелов

В конце апреля в Москве состоялся международный форум «Heritage at Risk: Сохранение архитектуры XX века и Всемирное наследие». В условиях переосмысления Россией государственных ориентиров и пока все еще тщетного поиска национальной идеи это событие во многом можно считать знаковым. О том, каким культурная общественность представляет настоящее и будущее российского зодчества, нам рассказал директор Государственного музея архитектуры имени А.В. Шусева Давид Саркисян.

– Давид Ашотович, почему местом проведения конференции была выбрана именно Москва?

– В числе организаторов этой встречи помимо Международного союза архитекторов и российской стороны были также и международные компании. А ключевую роль зачинщика и организатора

– Если говорить объективно, то мировой вклад русской архитектуры можно оценивать двояко. В глобальном масштабе Россия интересна миру прежде всего как источник новых идей в период расцвета конструктивизма. Но это был крошечный в историческом понимании временной отрезок, занявший меньше десяти лет. Все, что было построено до конструктивизма и после него, – все это можно считать импортом и развитием зарубежных идей, которые «в обратную сторону» на мировой архитектурный процесс практически никак не повлияли. Это были наши внутренние события, наша внутренняя архитектурная жизнь.

– То есть на Западе интересен московский конструктивизм? В чем его ценность для рядового, скажем, парижанина?

– Такие построенные и не построенные архитектурные шедевры, как дом Наркомфина Моисея Гинзбурга, футуристический обратный конус здания Коминтерна Лидии Ко-

альфой и омегой современной архитектурной жизни. Его ослепительно дерзкий проект здания Наркомтяжпрома никогда не был реализован, но леонидовский архетип легко прочитывается в здании ООН в Нью-Йорке и в нашем «ответном» здании СЭВ в Москве. Даже музей Гуттенхайма работы Фрэнка Ллойда Райта восходит также к идеям Леонидова. Выпускавшийся в то время в Москве журнал «СА» (это аббревиатура не от «Советской архитектуры», а от «Современной архитектуры») пролистывался от корки до корки всеми архитекторами мира. Потому что в России придумывали новое.

– Вместе с тем сегодняшнее состояние многих российских архитектурных шедевров эпохи конструктивизма оставляет желать лучшего. Как, на ваш взгляд, их следует поддерживать?

– Прежде всего должен существовать работающий охранный механизм. Законодательная часть у нас

– Есть ли конкретные примеры сбоев системы?

– Вот Юсуповские палаты, про которые сейчас все говорят. Это здание, безусловно, драгоценнейший пример нарышкинского барокко, который был продан. Причем из федеральной собственности его вывел лично президент Ельцин, на что имел, к моему огромному сожалению, полное право. Фактически как памятник архитектуры здание утеряно.

– Возможно ли возникновение идентичной ситуации на Западе? Как там решают вопросы сотрудничества государств и частных владельцев памятников?

– В Италии, например, огромное количество бесценных памятников, которые находятся в частных руках. Виллы Палладио являются азбукой, по которой учатся архитекторы. Вилла Мальконтента, на которой я побывал, это частное владение семьи Фоскари, для которой она и была построена 550 лет назад. Семья Фоскари не может там покрасить в другой цвет даже гвоздик, хотя она пользуется ею как своим домом. В Италии невероятно жесткий контроль. И сами владельцы с охранными органами преследуют одну и ту же цель: сохранить дом для будущих поколений в первоначальном виде. Представьте, что в этом здании, которое бесценно и в котором живет очень богатое семейство, туалетами на втором этаже являются шкафы, стоящие в середине интерьера. И когда ты там сидишь – снаружи все слышно. И там никогда нельзя будет сделать модную канализацию – запрещено.

– А в России есть примеры, когда частные собственники памятников заодно с государством в вопросах сохранения архитектурного наследия?

– Такие примеры существуют, но их раз-два и обчелся. И они очень

разнородны. У нас есть пример дома Мельникова, про который сейчас тоже все говорят. Дом был построен как частный. Поэтому проблемы приватизации памятника в его случае вообще не стояли. Грубо говоря, семья зодчего могла продать этот дом частному лицу. Но

Константина Мельникова до искусствоведов и профессиональных знатоков конструктивизма. Отдельно отмечу: его позиция состоит в том, что именно статус государственного музея – наиболее надежный способ защитить и сохранить дом Мельникова. Вообще я

Необходимо жесткое сопряжение передачи памятника в частные руки и очень эффективной системы охраны и контроля

она этого не сделала, желая передать дом государству. Там долгое время была сложная ситуация по поводу прав собственности на половину дома. Ту половину, права на которую не оспаривались, один из наследников архитектора передал члену Совета Федерации Сергею Эдуардовичу Гордееву на жестких условиях создания музея «Дом Мельникова».

– Есть у вас информация о планах Сергея Эдуардовича Гордеева в отношении дома Мельникова?

– Дом Мельникова имеет особый статус, потому что он создавался как некий дом-инсталляция, дом-манифест – и им и должен оставаться. Для этого надо многое в доме восстановить. Я знаю, что Сергей Эдуардович Гордеев, например, очень хотел бы и думает о восстановлении печного отопления. То есть у него отношение к этому памятнику абсолютно грамотное. Более того, Гордеев настаивает на том, чтобы создание музея контролировала самая широкая общественность – от прямых наследников

убежден – нам всем надо быть искренне благодарными Сергею Эдуардовичу Гордееву за то, что он делает для создания музея «Дом Мельникова».

– Существует мнение, что панацеей от разрушения памятников может стать частный капитал и законодательное ужесточение ответственности за их сохранность.

– Вы знаете, в свое время в Венеции можно было купить подлинный старинный палаццо за символическую плату всего в одну лиру. В полную собственность – но с тягчайшими обязательствами, невыполнение которых влекло за собой отъем этой собственности без всякой компенсации. Я думаю, что наше государство никогда не будет иметь достаточно денег, чтобы содержать 86 тысяч федеральных памятников архитектуры. Но панацеей может стать только жесткое сопряжение приватизации, передачи памятника в частные руки и очень эффективной системы охраны и контроля. Панацея – неправильное слово. Скорее – это цель. ■

В глобальном масштабе Россия интересна миру прежде всего как источник новых идей в период расцвета конструктивизма

сыграла Наталия Душкина, профессор МАРХИ, внучка одного из лучших советских архитекторов – Алексея Душкина (по его проектам в Москве построены здание «Детского мира», а также станции метрополитена «Кропоткинская», «Маяковская», «Площадь Революции»).

– Участники конференции по достоинству оценили вклад русской архитектуры в мировую?

маровой, произведения, показанные на парижской выставке Константина Мельникова, да и труды целого ряда лучших российских авангардистов, заняли в мировом искусстве совершенно особое место. Один только гениальный Иван Леонидов чего стоит! Он реализовал только один свой проект – это скромная лестница санатория на склоне холма в Кисловодске, но зато все остальное, что он сделал, стало

вполне в порядке. Но вот органы, которые выполняют надзорную функцию, работают, мягко говоря, не очень хорошо. По логике, все памятники должна охранять федеральная власть. И у нас даже есть некое федеральное агентство, довольно давно созданное, которое «хочет» охранять. Но оно так и не зажило реальной жизнью. Вот и получается – в целом законы хорошие, а система работает плохо.